

В

Рыльске — древнем городе на юго-западе Курской губернии — в пятницу как раз под конец ярмарки мужики и парни потянулись к Сейму, на луг слева от моста. Шли к реке в основном группами по три-пять человек, постепенно сливаясь в шумную неровную колонну. Здесь были и мастеровые, и ученики гимназии, и купчишки-лавочники, и просто азартные горожане из вчерашних крестьян. Какого-либо специального деления не было, толпа состояла из представителей самых разных сословий. Главный критерий — место проживания и желание. Шли биться за свою слободу, за свою улицу. Такая уж традиция, поэтому шли весело, перебрасываясь шуточками, кто-то даже на ходу выплясывал, разведя руки и притопывая ногами. Следом в том же направлении попарно и группками направились девки да барышни, похохатывая и розовея от слишком откровенных взглядов и шуток парней и мужчин.

Вечер был ясный, до заката еще далеко. Голова колонны обогнула Успенскую церковь справа, а со стороны Храма святого Николая, что на горке, со стороны Слободки тоже приближалась толпа... На лугу запестрело от множества ярких одежд и суеты, которая все более усиливалась от ожидания: кто кого в этот раз.

Иван Коровин вместе с Яшкой Михиным тоже наблюдали за молодежью, только издали, через реку. Если бы не небольшая неприятность, вообще можно было считать, что день прошел хорошо.

Приехали утром, вчетвером: Иван со Степаном да Федор с Яшкой — все из одного села. Выехали еще затемно, только небо светлеть начинало. Каждый свое воз с сродственника взял с его товаром — вместе сподручней. Степан с Федором — мужики в годах, того гляди дедами станут, а Ваня с Яковым — парни по двадцать лет, еще женихаются вовсю. Ехали на двух телегах, не гнали, в два дня растянули, с остановкой в Сухом.

Переночевали у ветерана боев под Шипкой Ерофея Шишова — деда, который был из их родной Алексеевки, но после службы женился и дом построил ближе к Рыльску. Для алексеевских удобно, как раз на полпути до города, самое лошадям отдохнуть. А Ерофей — мужик душевный, даром что бывалый вояка и раненый, всегда охотно принимал. Опять же и ему хорошо, про родню расспросит, про Варвару, что желанна была Шишову смолоду в хозяйки, да не дождалась, думая, что с войны не вернется. Из-за нее, в общем-то, и сорвался Ерофей с места. Ну ничего, живет теперь — не тужит, семья большая, и достаток, и все есть. Но про Варьку завсегда послушать готов. Хоть и в возрасте оба, но остался огонек. Селяне это знали и пользовались, весточки передавали. Много ведь не надо: они Ерофею новости, он приветит, что тоже совсем не накладно, лошадей под навес поставить, да путникам место на сеновале, чтобы не капало. Ну и вечер скоротать за разговором.

Вот и вчера — встретились, отужинали складчину, послушали про то, как старик служил на Кавказе в Турецкую кампанию, как в феврале 1877 года брали крепость Эрзурум, как снарядом повредило Ерофею ногу.

— А что, Ерофей Павлович, — выказывая крайнюю степень заинтересованности, спросил Степан, хотя наверняка уже знал заранее ответ, — ты в Рыльском полку служил?

Старик дернул бородой, оправил рубаху, вытянулся как на параде, хотя, и не вставая с лавки, и четко выговаривая слова, басисто доложил:

— В Пятидесятом пехотном Белостокском Его Высочества герцога Саксен-Альтенбургского полку.

— Санкен-Бурском? — удивился Ваня, впервые услышав сложное слово. — А как же Рыльский? Это которые тута квартируют?

Ерофей гневно зыркнул на парня, но вспомнив, что уже давно не солдат, и перед ним гости, умерил пыл.

— Саксен-Альтенбургском, — повторил он. — Эх, молодежь. Это наш унтер не слышал. Он бы тебе показал Сакен-Бурского. Враз запомнил бы, как надо.

— Ерофей Павлович, так ведь Рыльский-то полк, — снова вставил Степан.

— Рыльский, а как же. То ж еще 126-й был. Вот они Рыльским и назывались. Батальоны разные и воевали по-разному. Те на Болгарию ходили. Мы на турков. А вот в Крымскую, кажись, вместе бились. Или, наоборот, порознь. То до меня. Ноне точно вместе. Что ты, Степка, баламутишь?

Посокрушались, что много мужиков в войне побито — на то и война. Порадовались, что наказали-таки турок-басурман, а болгар, напротив, освободили. Болгары все же православные, братья по вере, как не помочь. Выпили еще немного, за помин воинских душ, не без этого, и на боковую. С утра попрощались и алексеевские снова оправились в путь, чтобы успеть место занять пораньше.

Лошадки споро трусили по утренней прохладе, смазанные колеса крутились почти без скрипа, и вскоре мужики увидели золоченые маковки рыльских церквей и дома казачьей слободы на холме.

Поначалу Иван немного волновался: в больших городах за всю свою жизнь и был-то один раз, давно, лет десять назад, когда пацаненком с родителями ездил на свадьбу в Малогнеушево.

В тот раз замуж выдавали... Вот только кого, Ваня забыл. То ли дочку кумы матери, то ли сестры ее двоюродной. Да и не нужна ему была та невеста в десять-то тогдашних лет. Он ни внешность ничью не запомнил, ни события; свадьба ничем особым не отличалась, у них в деревне такие же, со сватаньем, торгом да плясками под частушки с похохатыванием. Но хорошо помнил, что через Рыльск проезжали, соборы видел высоченные: смотришь, аж шапка падает — поразили. Помнил, что пряников в рядах купили, баранок связку, косу да сапоги. А запомнилось потому, что мужик с черной кудлатой бородой, который сапогами торговал, смешно приговаривал: «Стук да грак, бери три за шестак, коль жинка приде, да хлеба снесе, да рогулю колбаски, дам криночку ваксы». И вот странно, как невесту звали, Ваня не запомнил, а присказка веселого мужичка отпечаталась в голове, хоть и много лет с тех пор прошло.

Коровин вез на продажу несколько корзин, пяток деревянных граблей да две прялки. Особо он гордился собственноручно сделанной деревянной крупорушкой, за которую хотел получить хорошую цену.

Другие тоже всякое на продажу везли: и как Иван корзины, и заготовки под бочки, дуги, сита... Федор Стрелков борону погрузил. А еще вязаные вещи сельские взяли, с огорода кое-что, да медок от деда Поликарпа. Дедуля сам уж старый, со двора далеко не отходил, но пчелками занимался. Иногда бочонок на продажу даст, бывало, что и два, и три — от сбора. Ну а пару туесков с золотистыми тягучими сотами и комочек прополиса так это всегда имелось.

— А что, дядя Степан, это же голову найти надоть, чтобы на место поставил? — поинтересовался Иван и добавил он, встретив непонимающий взгляд Степана. — По торговым рядам.

— Какую еще голову?

— Так ить, чтобы не поперли, а поставили куды нужно.

— Ванька, что это ты околесную завел? Ты про чиво? — дядька скоился на племяша.

— То ж гутарили, что нужно старшого на базаре шукать, он на место определит, чтобы по закону. А то попрут и в холодную могут сунуть.

— От ты суета. Куда хватил. Голову. Старшина по торговым рядам он прозывается, или же урядник. Да разберемся чичас.

Когда подъехали к площади, поначалу растерялись: ряды длинные, амбары, народу тьма, телеги... и справа и слева еще едут, да дома со всех сторон давят.

— Гля-ка, — восхитился Яшка, разглядывая каменные основательные торговые ряды с арочными проемами, — вот это амбар. Что стена крепостная, али монастырская.

— Слышь, Федор Силантьич, — Степан обратился к земляку, который управлял второй телегой. — Ты же не впервой. Куда тута?

— Право бери и донизу, а там увидишь.

Мужики тронули поводья и вклинились за подводой с большой бочкой, которую тянула пара низеньких, но крепких лошадок. С час еще громыхали колесами в потоке, медленно, как улитки, еле-еле, потому как то кого-то пропустить надо, то кто-то поперек начинал переть. Но в конечном итоге выехали на длинную улицу пониже амбаров, вдоль которой рядами стояли телеги и постоянно подъезжали новые.

— Туда держи, — указал хваткий Федор, — и сразу ставь поперек, я вперед заеду, а ты следом. Самый центр будет.

И верно, действуя парой, мужики, поставив одну телегу чуть наискосок, въехали второй, еще раз перегородили движение, хоть и загудели на них сзади, но выровнялись и уже через минуту стояли задками к улице, вроде и места не занимая, и на самом проходе.

— Разложитесь пока, — продолжал распорядиться Федор, — а я разужаю что почем.

Вернулся он минут через десять, довольный и гордый:

— Все, мужички, торговать можно, я договорился.

— Быстро как-то, — удивился Степан, сдергивая дерюжку, которой был укрыт товар.

— Так я с околоточным договорился. Говорит, торгуйте.

— А бумагу какую дали?

— Степан, чи ты не понял? Какая еще бумага? И так по рублю цельному дал за место.

— Кому?

— Вон стоит.

Мужики дружно посмотрели на широкого в талии полицейского с красным лицом под низко надвинутой фуражкой, который стоял на углу с независимым видом на широко расставленных ногах, придерживая пашку. Солидный, независимый. Чувствовалось, что считает себя здесь за главного.

— Ну, тады ладно, — согласился Степан, — давай, мелкота (это он парням, у которых под носом уже усы темнели), распрягай и сенца дайте. Вань, а ты сходи водицы им принеси, вон речка-то.

— Это кто мелкота? — Иван распрямился во весь рост, чуть на цыпочки привстал и сверху вниз посмотрел на дядьку.

— Зараз ты и есть, — не ступевался тот. — Давай, малец, шибче, еще торговать надоть.

Иван хмыкнул, понимая, что дядька шутил, подхватил два ведра и направился через ряды в сторону недалекого Сейма, надеясь, что в той стороне найдется колодец, чтобы в реку не лезть. А Яков занялся лошадьми.

— Ишь, щуренок, подрос, — оглядывая ладную фигуру парня, одобрительно сказал Федор. — Казак.

Слово «казак» не так давно вошло в обиход селян в качестве похвалы. Роман Ковалев вернулся из-под Ростова (за рыбой с обозом ездил) и рассказывал, что там мужики и не мужики вовсе, а казаки. Все вроде тоже, но «казакуют» — лихость показывают. Вот, когда хотели отметить ладного мужичка, и говорили: «Казак!», — как, наверное, когда-то могли сказать «богатырь».

— Казак не казак, а хлопец справный, — кивнул Степан.

Хорошее место на базаре — половина успеха. Совсем немного постояли, а уж и корзины у них почти разобрали, и борона ушла, и мед раскупили, и другого всякого немного осталось. Вот только Иван со своей крупорушкой все никак не расстанется. Подойдет народ, спросит, а как услышит цену, отходит. Но вот подошел солидный мужчина средних лет, фуражка с лаковым козырьком, очки, сюртук серый хорошего сукна. Явно не селянин, мастеровой — да, видать, из начальства, может и инженер.

— Кто же хозяин сей чудной машины? — спрашивает.

— Это крупорушка, — немного обидевшись за «машину», буркнул Ваня.

— Так это ваша?

— Моя.

— И сколько же вы хотите за это чудо техники?

— Тридцать рублей.

— Ого, — присвистнул инженер, — а не много ли за крупорушку?

— Так она у меня и початки шелушит, и семки, и буряки резать может... только вот тут нашлапка меняется.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался мужчина. — И что же, все на одном механизме?

— В одной коробочке, — заулыбался парень, — от ручки работает.

— Вот так да. И все работает?

— Обижаете, дядечка. Чего бы я за нее деньгу просил, если не работает. Все жужжит.

— И все сам?

— А как же.

Инженер внимательно рассматривал изделие, периодически задавая уточняющие вопросы, и, в конце концов, согласился:

— Что ж, беру, пожалуй... за двадцать пять. Вещь хорошая, есть интересные находки. А поможешь до пролетки донести, вон туда?

Ваня согласился, и радостный, что нашелся ценитель на его работу, пошел за покупателем с крупорушкой на плече. По пути мужчина нахваливал сообразительного парня и все расспрашивал — кто, откуда, где учился, чем занимается.

— Что ж, Иван Коровин, спасибо тебе, — поблагодарил инженер, прощаясь. — Надумаешь с механизмами работать, приходи в Благодатное. Знаешь? Там новый сахарный завод построили. Мне толковые парни нужны. Спросишь Курдюмова.

* * *

Когда Иван вернулся к односельчанам, он издалека заметил, что уж очень напряженно гудит народ возле телег.

«Можа бьются?» — подумал парень, торопясь протолкнуться поближе, чтобы помочь, если есть необходимость.

Но дело оказалось не в драке. Перед мужиками стояли двое в темных фуражках и жилетах. Если бы не разница в росте, можно было сказать, что они близнецы: одинаково усатые, накормленные лица и круглые, почти бесцветные глаза, одинаковая напористость, но при этом что-то у них обоих словно от крысы, все время зыркали и вроде как принюхивались. У одного, что повыше, в руках была раскрытая книга с записями, в которую он тыкал пальцем.

— Где запись? Кому вы платили?

Второй тоже наседал:

— Кто место выделил?

Степан и Федор стояли перед ними и смотрели, насупившись, а Яков возился возле лошадей — Красу уже запряг, и теперь поправлял супонь на хомуте у Малика.

— Я с околоточным договорился, — буркнул Федор.

— Что, какой такой околоточный? — заверещал тот, что пониже.

— Сейчас вас в контору сведем, там разберутся, — басил высокий.

Мужики вокруг гудели, частью участливо, но были и такие, что поддерживали контролеров:

— Это что жа, кажный, значаца, не будет копейку платить, порядка не будет.

— Веди их в холодную. Ишь, умники.

— В участок тащи. Пуцай штраф плотют.

Алексеевские растерялись, кто тут прав, кто виноват. Сейчас у них была одна тревога: чтобы лошадей с телегами не забрали да уехать побыстрее. Ваня протолкнулся-таки к своим и услышал, как Степан, наклонив голову, бурчит Федору из бороды:

— Тикать надо, Федька. Где он твой, пузатый? Точно говорю, посодют.

А Федор привставал на цыпочки, тянул шею, выглядывая полицейского, но на углу никого не было. И тут Иван сообразил, что от стояния кроме неприятностей ничего не добавится:

— Слышь, мужики, поехали.

Степан покосился на племянника и недоверчиво наморщился левой стороной.

— Что ты, борода, морду кривишь? — дернул его за рукав невысокий. — В участок хочешь? Платить собираешься?

— Уже платили, — чуть нажав голосом, процедил Степан, — И не лапай, не баба. Как бы ноготок не сломался.

— А, да ты грозишь, — взвился контролер. — Никифор, зови городского, сейчас свезем их куда положено.

— погоди, мил человек, — мирно заговорил Федор, — никто не грозит. Раз надоть, значит надоть, мы — не местные, темные. Куда тут идти? Кому деньгу платить?

— Куда идти? Сюда давай. Трояк с телеги. И штраф по синенькой с каждого, — невысокий, судя по всему, был в этой паре за главного.

— Ох ты боже мой, это ж какие деньжищи, — ухватил себя за ворот Федор, словно ему душно.

— А как ты хотел?

— Ну раз такое дело, поехали.

— Куда? — опешил низкий.

— Так ить в участок, а то веди сразу в тюрьму, — Федор, чуть повернувшись к своим, незаметно для контролеров подмигнул, мол, все хорошо.

— Чи мы не понимаем, — поддержал друга Степан, — давай хлопцы, выправляй на дорогу. Раздайся, мужики, в холодную поедем. Э, девка, отойди с корзиной, зашибем. Сдавай задом, берегись...

Яшка, плохо понимая, что происходит, влез на телегу и подобрал вожжи, Иван взял лошадь за узду. Толпа потеснилась. Контролеры переглядывались, все вроде по их выходило, мужики сами в участок засобирались. Кое-как выбрались из толчеи.

— Ну и куда здесь? — спросил Федор, направив лошадь в сторону от рынка, вниз по улице.

— Куда повернул? — засуетился высокий, — Там река, назад давай.

— Не, назад уже нельзя, смотри, проезд занят, — усмехнулся в бороду Степан, — объедем. Показывай.

— По пустой дороге и доедем быстрее, — повеселел Федор, увидев, что контролеры, отойдя от зрителей в сторону, несколько приуныли. — Сейчас отъедем подальше, чтобы деньги достать, а то лихие людишки увидят, где прйчем, украдут.

Какое-то время контролеры еще шли рядом, но затем поотстали, а после и вовсе остановились. Мужички переглядывались с усмешкой, да вожжами поддавали. До реки оставалось всего ничего.

— Умные?! — крикнул вслед удаляющимся телегам высокий. — Никуда вы не денетесь. Сейчас уряднику сообщим, а уж он казачков пошлет.

Контролер мог, наверное, и ухватить лошадь за узду, но не решился, опасаясь, что злой мужик (Степан) может кнутом перетянуть. Алексеевские проехали по мосту и подгоняли лошадей. По обе стороны загустел зеленью лес.

— Погодь, куда прем? — громко сказал Федор, — Мы же в другую сторону поехали. Нам обратно.

— Как же мы обратно теперя, если эти на мосту? — пригорюнился Иван. — Хорошо, что караул не встретился.

— А что, взаправду в тюрьму могут? — наконец-то заговорил Яшка. Собразил, что случилось, и, похоже, струхнул.

— Да, могут, — Степан скреб бороду и затем обернулся к Федору. — Что, Силантьич, подвел под монастырь? Я! Договорился! Где он, твой околоточный? Только деньгу взял. А теперча загонют на высылки в Тобол или того хуже.

— Куда же хуже? — удивился Ваня. — То ж на краю света.

— Бывает и хуже, — буркнул Степан, — на Сахалин могут или же в шахту. Там, гутарят, люди что мухи мрут.

— Ладно, мужики, — перебил Федор, — нехорошо получилось. Не сердчайте, хлопцы: думал, обойдется. Но до темна нам сховаться надо. Давайте-ка вон в лес, пока далеко не уехали. Отсидимся день, а там посмотрим, может, ночью и проскочим обратно. А эти глядишь — и не найдут.

Съехали с тракта, проехали немного и еще раз повернули.

— Стоп. Яшка, — распорядился Степан, — возьми жердину да вперед пройди: как бы нам в болото не попасть, низина тут. А ты Ваня, вернись да постарайся траву расправить. Вон веткой помаша. Осторожней там.

Через несколько минут следов, где алексеевские в лесок съехали, никто бы не нашел.

* * *

Повезло мужикам, что лето было теплое и дождя не намечалось. Еще повезло, что дальше по траве не поехали: Михин вернулся по колена в тине, провалился. Как и предугадал Степан, болотилось далее. А здесь ничего: и со стороны не заметно, и полянка сухая. И даже комары не донимали — ветерок обдувал. Плохо было то, что контролеры могли казаков на розыск организовать, и с харчами слабовато — на раз, если хорошо покушать, хватит, или на пару, если растягивать. Оно понятно, что можно и рыбку полостью и грибов поискать, да и травки есть кое-какие, но так и на погоню напороться не долго. Однако не век же в лесу сидеть, нужно думать, как в Алексеевку возвращаться. Плохо, конечно, что на рынок теперь долго показываться нельзя. А мимо проехать сложно, надо же в поворотах сообразить.

— Может нам по реке вверх пойти, должен же быть мост, — предложил Иван.

— И где он? — Федор потирал лоб: видимо, соображал, как бы выбраться. — Напоремся еще на этих.

— Что ж там деревень нет?

— Эх, паря, это можно долго искать. Наверняка надо. Вдруг уже ищут. Вот и приедем прямо в холодную.

— Давайте мы с Яшкой сгоняем, поглядим. Если суета какая, заметим, а если нет, можно и попробовать, — предложил Иван.

Старшие переглянулись:

— А что, Степа, пуцай хлопцы сходят.

— Хорошо, только картузы поменяйте, или сымите вообще... По опушке идите, осторожно. На дорогу не суйтесь.

Парни пошли, пробираясь через подлесок, обратно к дороге. Подождали немного — никого чтоб по их души, только пяток телег покатали от рынка да кибитка с цыганами в город. Никаких верховых не видно.

— Вань, куда? — не утерпел Яшка.

— Погодь. Тем же время надо, чтобы казаков поднять. Еще посмотрим.

— Давай хоть право возьмем, чтобы лучше мост видеть.

Иван глянул на товарища, что-то прикинул, посмотрел вверх.

— Яшка, давай-ка на дерево. Рубаха у тебя темная, а видать дальше. Вона клен на краю пушистый.

Через пару минут Яков уже озирал окрестности сверху.

— Вань, народ идет, — через некоторое время обеспокоено сообщил Яша громким шепотом.

— Куда? Какой народ?

— А кто знает. Много.

— На мост?

— Не, на луг.

— Какой луг?

— Там, вон, у речки.

— А в нашу сторону есть? А верховые?

— Не, пешие все. И не к нам. Кажись, кулачки будут.

В несколько перехватов и подтягиваний Иван занял верхушку соседнего дерева.

А на лугу уже выстроились две стенки. Издалека не было слышно, да видно не очень хорошо, но становилось понятно, что драка будет. С обеих сторон стояло человек по полста, а возможно и больше. Да еще зрители на косогоре. Из-за расстояния подробности не разглядеть. Но видно, что немало желающих кулаками помахать. Какого сигнала ждали — неясно, но то ли по знаку, то ли словцо крикнули обидней, чем до этого, а стенки колыхнулись навстречу, и понеслась потеха.

Очень быстро стенки разбились на несколько кучек, и сразу становилось понятно, кто чего стоит: сойдутся на недолго, потолкаются, помашут — и побежали те, что слабже, пока не доберутся до своих, которые помощь оказать могут; тогда бегут в другую сторону. Гонят. Так и накатывали: то туда волна, то обратно. По старой традиции упавших не били, обходили, перескакивали, да и пострадавшие сами отходили в сторону, чтобы не мешаться. Кому мало или очухался — снова в драку лез. А некоторые успокаивались после первой же крепкой плюхи. Минут двадцать возня была, суета, а потом опять сошлись в две большие кучки, но уже чуть меньше размером, чем вначале, уполовинились приблизительно. На этот раз уже слабые отсыялись и потирали синяки да юшку размазывали, стоя в стороне. А настоящие бойцы снова примеривались, как продолжить поладнее.

И вот тут появились конные. Четверо. Позвал ли их кто-то или сами знали, что их время подошло, но они уверенно подъехали к дерущимся и сотворили такое, от чего Ваня чуть с ветки не свалился: никогда не приходилось видеть подобной ловкости.

Конники не стали ни на чью сторону, они были сами по себе: вместе двигались верхом в толпу, причем крайние напирали больше, а те, что в середине, коней придерживали. Понятное дело, от лошадиных копыт толпа чуть шарахалась. И ведь как точно верховые рассчитывали, выделяли самых ярых (а может, и знали их лично)! Отделив небольшую группу, крайние продолжали конями толпу сдерживать, а те двое, что в центре, прыгали сверху на основных драчунов и в два-три удара валили наземь. А через секунду — опять в седле, опять конем напирают.

— Яшка, ты такое видал? — восхищенно прошептал Иван.

— Не, вот дают, — у Якова от напряжения на вытянутой шее даже вены вздулись. — Казаки, не иначе. Мне отец сказывал, что они мастера на кулачках и по-всякому биться.

Пока обменивались мнениями, верховые свалили добрую четверть дерущихся, сами оставаясь в седле, и загарцевали, поддавливая то в одну сторону, то в другую. Однако так как основных зачинщиков среди стоящих на ногах уже не было, интерес к драке ослаб, и обе группы побрели к Сейму, чтобы смыть с себя кровь и грязь. Конные недолго покрутились рядом и, крикнув что-то на прощание, порысили в сторону города. Успокоили.

— Вот же лихие черти, — снова восторженно произнес Иван. — Не дай бог таких за нами пошлют. Эти и в лесу выловят, и в болоте достанут.

Яшка только вздохнул. Он и так на кулак был не силен, а перед такими казаками — что пыленок перед коршуном.

Тем временем темнело. Солнце село за холм, и, хотя небо не украсилось звездами, ночь всгупала в свои права. Немного похолодало, от реки потянуло влагой. Застрекотали переливчато лягушки. Мелочь букашечная из травы стала явствен-

но слышна (и где только пряталась?), словно на каждой травинке — по трещотке махонькой. Неслышно замелькали меж деревьев крыльями летучие мыши, хватая зазевавшихся мотыльков. Закричала-заухала ночная птица, сова иль неясить. Высоко и протяжно. Потом другая, почти свистом. И вдруг недалеко раздалось басовитое, незнакомое:

— Эй, эй... — с хрипотцой, пугающе, словно предупреждая об опасности.

— Матушки мои, — Яшка прижался к стволу от неожиданности.

Иван тоже вздрогнул и закрутил головой.

— Эй, — послышалось недалеко снова.

— Птица, — решил парень, разобрав, что звук идет сверху.

— Я такую не знаю, — прошептал Михин, тараща глаза из полумрака листвы. — Может, хватит туточки сидеть? Пойдем к мужикам. Погони точно не видать.

Парни слезли с дерева и поспешили к старшим. Темень сгустилась уже по-настоящему; еще немного — и совсем ничего не будет видно. Коротко сообщив об увиденном, Ваня предложил:

— Ночью надо попробовать, пока тихо. Не нужны мы им, надо думать.

— Что ж, — согласился Степан, — можно поехать, лишь бы дорогу не потерять.

И снова повезло алексеевским мужичкам, луна поднялась почти полным кругом. Осторожно под уздцы вывели лошадей на дорогу и тронулись обратно к мосту. По воде била хвостом крупная рыба, издалека ухали совы, но ночь была тихая. Басовитой птицы с ее «эй» больше не слышалось. На небе ни облачка, только легкая дымка, поэтому путь виднелся явственно. У съезда с моста со стороны города стояли два человека, караульные с ружьями.

— Кто такие? Куда на ночь глядя?

— Из Банищей едем. Наняться на извоз. Не подскажешь, служивый, куда тута? — сообразил, что ответить, Федор.

— Что ж так поздно, а, мужички? — недоверчиво оглядывая подводы, спросил караульный, который казался постарше.

— Так ить думали, что успеем засветло, но вон колесо со ступицы соскочло. Пока надели, пока шпильку нашли... Где бы стать, чтоб с толком?

Караульный начал объяснять, где склады, где пристань, как подъехать. Через четверть часа мужики, довольные, что снова могут ехать, покатили по улицам, стараясь объехать рынок слева. Еще немного — и выехали на проселок.

— Все, теперча точно обошлось, — выдохнул Степан. — Думаю, не будем стоять. Как вы?

Никто не возразил. Видимо, никому не хотелось снова попасться контролерам. С вечера у них не задалось, так с утра точно отыграются.

* * *

С рассветом въехали в Сухое, и сразу же возник законный вопрос, заезжать ли к Ерофею Павловичу. День только начинается. Вдруг не ко времени.

— А что ему, будет? — хмуро буркнул Федор. — Мы мешать не станем, а переды нужен. Лошадям чутка постоять, да нам покомарить.

На том и порешили. Подъехали к воротам, а Ерофей навстречу.

— О, земляки, что в такой час? И что-то вы пожухлые какие-то.

Выслушав сбивчивый рассказ, дед решил:

— Попали вы, соколики. Туточки могли вас и приголубить. Ну да ладно. Заводи лошадок во двор. Отдыхайте. А я на луг, сенца накошу, пока роса.

— Дядь Степан, а можно я с дедом схожу? Подсоблю, да поразузнаю кой-чего, — попрощался Иван.

— Чи ты не устал?

— Ну мы же ненадолго. А я про службу разужнаю. Скоро мой призыв.

— Може и не попадешь еще.

— И что? Все равно, интересно же. А как поедем — все ж на телеге, — кимарну.

Ерофей удивился неожиданному помощнику, но противиться не стал:

— Вон, возьми под застрехой. Австрийская, не косит — бреет.

По пути на луг первое время молчали, но потом Ваня решился. Начал про ожидаемый урожай, про дожди, а потом перешел к тому, что волновало:

— А что, дядя Ерофей, в армию выбрать можно, куда итить?

— Как это? — удивился старик.

— Ну-у, вот, например, не хочу в пехоту, а хочу в казаки.

— И-и, милай, эка куда хватил. В казаки. Не, тама все свои. Только станичников берут.

— А как же эти, что в Рыльске? Или не казаки?

— Почему же... казацкой масти. Лет уж двадцать как тому здесь казаки стояли, дончаки. С конями, с пушками. А потом их кудьсь направили. Ускачили все скопом. Однако же несколько и остались по охранному делу, которые уж в возрасте. При тюрьме служили. Семей десять, думаю. А чтобы прямо вот казаки... Хотя, помнится, еще дед мой сказывал, что старики гутарили, мол, при царе Петре на наши земли Мазепа запорожцев привел. Целые села под них заложили: Мазеповка, Степановка, Ивановка... Но то давно, никто точно и не упомнит. Так те, пришлые, уже давно с местными перемешались. Так что какие тута казаки?

— А эти, что ныне в Рыльске?

— Не, больше балуются. Хотя марку держат и делу своему чужих не обучают.

— Что ж они, не русские? Не на нашей земле живут?

— Да как тебе сказать, так-то православные, но вольные. Казаки — они люди служилые, кнута спина не ведает, вот и делятся. С мужиком особо не якшаются, хотя то же самое и делают: и пахнут, и сеют, но ружье и пашка у каждого при себе. И мастера до боя... Ты ж сам видел.

— Жалко, — поскучнел Ваня, — я думал, в казаки попроситься можно.

— Ты, паря, не дури. Придешь, по наряду распишут куда треба, и топай себе сколь положено.

— Дядя Ерофей, а тебя как на войну забрали?

— Да как. Из запаса. Мне тогда двадцать шесть годков уж было. В аккурат реформу объявили. Вот и вытянул судьбинушку. Хорошо хоть так обошлось. Однако же по Кавказу находился. Почитай, весь попереk пересек...

Под разговор Ерофей с Иваном дошли до луга, скосили положенный клин и отправились обратно. Солнце уже припекало без летней прежней силы, скорее по-осеннему, но нагривало рубахи на плечах.

Федор со Степаном сидели в теньке и негромко переговаривались. А Яков еще не слезал с сеновала, отдыхал.

Самую жару пересидели в доме ветерана. Снова послушали, как русские полки через Кавказские горы на Турцию ходили. На этот раз Ерофей взялся рассказывать, как его ранило.

— Аккурат в семьдесят седьмом году под Сухум нас направили, чтобы, значит, турка к морю хода не имел. В тех местах уж были стычки: абхазы турков поддержали. А казачки дали им укорот. Оно вообще по Кавказу правило такое: если черкес или другой басурманин перешел границу — сразу стреляли. Станишные — они не разбирали: кто с другого берега — всяко чужой. Ну и горцы тоже русских не особо жаловали, но больше по ночам шалили. Побаивались, значит.

— Дядька Ерофей, — встрял Ваня, который слушал в оба уха, — про то мы рань-

ше слышали. И про Ермолова, и про Шамиля, и про князя Барятинского. Ты свое сказывай. Поди, в атаке ранили?

— Ванька, шило у тебя под хвостом. То тебе в казаки, то подробности давай.

— Ерофей Палыч, — вступился за племянша Степан, — рассказал бы. И мы послушаем.

Ерофей крякнул в бороду, осмотрел всех слушателей поочередно, потер шею у затылка:

— Дык чего. Я ж по делу. То Шамиль, а то позже было лет на пятнадцать. Сначала наших поперли малость, а потом армия пришла. А нас вдогонку из резерва направили, чтобы переломить окончательно. Вот мы и даванули. Верст двести топали. Да казаки верхами, да артиллерия... Но мы — главная сила, потому как пехота. Так до Эрзурума и теснили басурман.

— Вот ты, дядя Ерофей, мастак накрутить. Прямо главный герой.

— Геройства особого я не сотворил, хотя в атаке бегал раз десять. Турки редутов наставили да из крепостей пушками бахают. Оно как — крикнет офицер: «Давай, соколики, не подведи!» — и побежали мы на турка. Однако честно скажу: боем Эрзурум не взяли.

— Как так? — хором удивились мужики.

— Турки сами ушли. Сдали крепость, хотя бились за нее долго. Что-то их султан передумал. Можя в Болгарии сильно получил по холке, силов не хватало — то не знаю. А мне одной минутки не хватило всего.

— Зачем? — пожал плечами Федор. — Какая минута?

— Почитай последним снарядам меня ранило, — пояснил Ерофей, оглядывая свою ногу, — а через минуту они флаг подняли сигнальный. Да хорошо хоть так, развернуло чутка в колене. Могло и оторвать. Православных тогда у Эрзурума немало легло. А я ничего, бегаю.

И Ерофей прошелся по двору в танце, хоть немного приволакивая раненую ногу, но топя здоровой:

— Эх, эх, не зевай, малость ранен, но бугай...

Все засмеялись и начали подбадривать ветерана. А дед, словно молодой, кружил, приседал немного, присвистывал...

